

ЛУИ ПЭНТО

(Пере)переводы Феноменология и «немецкая философия» во Франции в 1930-е годы¹

Феноменология — безусловно, основное направление во французской философии XX века — изначально представляла собой продукт иностранного производства. Чтобы понять обстоятельства этого заимствования, следует поместить его в определенный контекст — контекст создания теоретического (квази)ярыка «немецкой философии» в философской среде 1930–1950-х годов. Мы имеем здесь дело в некотором смысле с французским явлением, которое нельзя рассматривать ни имманентно, в качестве внутренней эволюции мысли, ни извне, без учета специфических целей, присутствующих в совокупности понятий, проблем и, прежде всего, иерархий, — часто неявных, определяющих когнитивный порядок приоритетности, срочности и важности и предписывающих, что следует подчеркнуть, а что — исключить. Существовать на философском поле означает сделать определенный выбор среди наличных вариантов. Как и все профессионалы, философы обладают особым рода наитием, позволяющим одновременно выявлять основные объективные положения с присущим им объемом теоретического капитала, и мобилизовать символические инструменты выражения и классификации (идеалистические, марксистские, кантианские, хайдеггерианские...), которые могут быть использованы для осуществления и проявления фундаментальных выборов, несводимых к чистому когнитивному содержанию. Идеальной истории философии можно противопоставить историю реальную: в ее рамках концепты связаны с разнообразными настроениями, вкусами, неприятиями, которые ак-

¹ Pinto L. (Re)traductions: Phénoménologie et «philosophie allemande» dans les années 1930 // Actes de la recherche en sciences sociales. 2002/5. № 145. P. 21–33.

тивно ощущаются и переживаются агентами, однако слишком часто подвергаются цензуре, либо оказываются сведены к биографическим деталям².

Новая эпоха

Конец 1920-х годов стал временем структурных преобразований, затронувших философское поле, прежде строившееся на противопоставлении двух полюсов: научной культуры и институциональной философии. Первый полюс в равной степени притягивал позитивистов и рационалистов, пытавшихся наладить компетентный обмен знаниями между философией и представителями научных дисциплин, логиками, эпистемологами, историками науки и, на границах философского поля, социологами. Порвав со спиритуализмом, такие деятели были предрасположены к новаторским подходам в различных областях: в философии, педагогике, политике. С начала века в данной сфере доминировала одна направленность — «критический» (или рациональный) идеализм, нашедший свое воплощение в личности Леона Брюнсвика, центральной фигуры «новой Сорбонны», и представлявший собой объединение академической традиции, науки и демократии (многие университетские профессора, принадлежавшие к этому направлению, евреи по происхождению, были дрейфусарами). Для сторонников Огюста Конта задачей современной философии должно было стать создание истории «развития западного сознания», позволяющей выявить человеческий разум, прежде всего, через его философские объективации. Для того чтобы порвать с риторической традицией (изобличенной, среди прочих, Эмилем Дюркгеймом), была необходима реформа университетского мышления, затрагивающая «дисциплину» науки. Второй полюс, тесно связанный со спиритуалистским наследием, определялся апелляцией к статусу философии как благородной отрасли знания. Между этими полюсами располагалось всё разнообразие точек зрения, тяготеющих к просвещенному консерватизму, который пытался, по бергсонову примеру, увязать метафизическое значение абсолюта с развитием наук³. Структурная инвариантность противопоставлений такого типа в долгосрочном рассмотрении практически напрямую предопределила относительно инертность теоретических подходов. В течение 1920-х годов соотношение сил изменилось в ущерб рационалистскому полюсу. Теоретический и педагогический подходы «новой Сорбонны», выразите-

² Вопрос отношений между социологией научной сферы и притязаниями на истину, являющими собой ее составляющую, несколько раз поднимался у Пьера Бурдьё, особенно в работе: *Science de la science et réflexivité*. Paris: Raisons d'agir, 2001.

³ В связи с исследованием философской сферы в 1900-е годы см. анализ, предложенный автором: *Pinto L. Le détail et la nuance. La sociologie vue par les philosophes dans la Revue de metaphysique et de morale. 1893–1899 // Revue de metaphysique et de morale. 1993. № 1–2.*

лем которых он являлся, не смогли утвердиться в университетском учреждении, где органическая связь между средним и высшим образованием сохранялась посредством выпускных экзаменов и национальных преподавательских конкурсов (*agrégation*)⁴ и где, как следствие, изучение наук оставалось в подчиненном положении⁵; всё в большей степени история философии представлялась основным способом вхождения в философию. Усиление университетской ортодоксальности сопровождалось образованием философского авангарда на границах академической сферы и, прежде всего, в литературной области.

Основным нововведением конца 1920-х годов стал импорт немецкой философии, влиятельного национального продукта, содержавшего в себе в основном некое подобие теоретической программы, позволявшей отойти от предпосылок доминировавшей в 1900-е годы философской культуры. Обращение к этому продукту, под маркой которого объединялись Дильтей, Хайдеггер, Гегель (как раз на этот период приходится его «возвращение»), Гуссерль, Ясперс, Ницше, Шелер, а также Кьеркегор⁶, дало возможность в рамках местного философского пространства двигаться в сторону изменения соотношения сил в ущерб университетскому рационализму, виновному в двух более или менее важных заблуждениях, а именно: в сведении философии к узко «позитивистскому» размышлению о науке и в склонности к пресному интеллектуализму в вопросах этики и политики.

Многие посредники между национальными пространствами в 1930–1940-е годы происходили из еврейских семей и были связаны с Германией в силу своего гражданства, образования или языка: Бернард Гротуйзен (родился в 1880 г.), Александр Койре (соответственно в 1892 г.), Жорж Гурвич (1894), Арон Гурвич (1901), Александр Кожев (1902), Эрик Вайль (1904), Эммануэль Левинас (1905⁷). Иностранцы по происхождению, не имевшие университетских званий, они приобрели философский капитал вне стен Сорбонны и Эколь Нормаль и способствовали своими переводами и комментариями распространению немецких авторов, а также французских посредников, академический капитал которых дополнялся лингвистическим: Жан Валь (родился в 1888 г.), Ан-

⁴ В 1925 году, в контексте возвращения к классической культуре, министр народного просвещения А. де Монзи публикует свои знаменитые «Директивы», на целый век определившие развитие образования.

⁵ Относительно социологии см. у Виктора Каради: Karady V. Durkheim, les sciences sociales et l'Université: bilan d'un semi-echec // *Revue française de sociologie*. 1976. XV. № 2. P. 270 sq.

⁶ До середины 1930-х годов современные, «живые» авторы, так же, как Гегель и Кьеркегор, не были переведены вообще или переводились очень мало. С начала XX века переводились в значительном объеме и комментировались только труды Ницше, однако представление о нем изменилось именно в связи с возникновением нового контекста восприятия.

⁷ Э. Левинас родился в 12 января 1906 г. по новому стилю. — *Прим. ред.*

ри Корбен и Владимир Янкелевич⁸ (оба в 1903 г.), Раймон Арон и Жан-Поль Сартр (оба в 1905 г.), Морис де Гандильяк (1906), Жан Бофре и Жан Ипполит (оба 1907), Морис Мерло-Понти (1908), Поль Рикёр (1913). В случае с авторами, принадлежавшими к спиритуалистической традиции — Рене Ле Сенн (1882), Луи Лавель (1883), Габриель Марсель (1889), — привнесение таких философских знаний принималось благосклонно лишь в той мере, в которой их можно было встроить в более общий контекст возвращения к метафизической и религиозной мысли. Есть основания полагать, что приток подобного капитала, обеспеченный физическим перемещением интеллектуалов-мигрантов, а также активной переводческой и комментаторской деятельностью, привел к возникновению, насколько это было возможно, альтернативы ортодоксальному университетскому образу мышления — рационализму кантианского или картезианского толка в сочетании с «развитием западного сознания» (по выражению Л. Брюнсвика). Мобилизация внешних ресурсов стала благоприятной возможностью для обделенных шансами на признание со стороны университетских институций: именно в рамках такой логики солидарности следует понимать сосуществование различных типов авангарда, а также множественность точек зрения у определенных деятелей, занятых в совершенно различных областях. Отдельные проводники новаций были связаны с маргинальными учреждениями (Практическая школа высших исследований, Коллеж де Франс, Международный центр синтеза⁹) или занимали периферийные должности (преподаватели, сотрудники библиотек). Они могли принадлежать одновременно к таким далеким друг от друга областям, как новая философия немецкого толка и история религии (А. Корбен, переводчик Хайдеггера и одновременно специалист по истории ислама), немецкая философия и эпистемология (А. Кожев).

Одной из центральных фигур здесь является Александр Койре, оказавшийся в точке пересечения множества кругов. Он родился в России в 1892 году, происходил из среды деловой еврейской буржуазии, был учеником Эдмунда Гуссерля, Адольфа Рейнаха и Макса Шелера, позднее эмигрировал в Париж и получил французское гражданство. Койре изучал философию, занимался историей и философией средних веков у Этьена Жильсона (работы об идее Бога у Декарта (1922) и у Святого Ансельма (1923), о Якобе Бёме в 1929 году), место которого в Сорбонне он временно занял позднее, чтобы затем стать директором по учебным программам V отделения Практической школы высших исследований (1931), где он вел занятия по очень разным темам, а его коллегами были Эмиль Бенвенист и Жорж Дюмезиль. Занимаясь историей религиозной

⁸ Имеется в виду ранний Янкелевич, исследователь и комментатор трудов Гегеля, Шеллинга, Зиммеля и др.

⁹ Был основан в 1929 году. Его инициатором и руководителем был Анри Берр.

мысли, историей науки и техники, историей культуры и немецкой философией (Гегель, Гуссерль, Хайдеггер), он входил во множество интеллектуальных кружков, как неформальных (у него дома, в кафе Д'Аркур), так и формальных, вместе с философами (Б. Гротуйзен, А. Кожев, Г. Марсель), коллегами по Практической школе высших исследований (А. Корбен, Э. Жильсон, Ж. Вайда), историками (Л. Февр), философами и историками науки (Ж. Башляр, Л. Брюнsvик, Э. Мейерсон, Х. Метцгер), и был достаточно тесно связан с такими учреждениями, как секция истории науки Международного центра синтеза, Институт истории и философии науки в Сорбонне (основанный в 1932 году Абе́лем Ре́ем, профессором истории и философии науки в Сорбонне), страсбургский «Журнал истории и философии религии», журнал «Thales», «Французская энциклопедия» Люсьена Февра и, наконец, журнал «Философские исследования», основанный в 1931–1932 годах, где он сотрудничал с историком религии Анри-Шарлем Пюэшем и философом науки Гасто́ном Башля́ром.

Входивший в новые интеллектуальные течения Александр Койре занимал положение, в некотором смысле симметричное положению Сартра. Их профессиональные траектории в полной мере отражают основные оппозиции, существовавшие внутри философского авангарда. Если Сартр, бывший на десяток лет младше, к 1938 году сумел завоевать репутацию выдающегося *творца*, в том числе и благодаря ресурсам, обеспеченным его принадлежностью к литературной сфере, то Койре посредством своего специфического философского, научного и исторического капитала, обеспечил себе менее блестящий статус *специалиста*: его методологическое и рационалистическое обращение к истории в эмпирических областях мало способствовало выдвижению грандиозных тезисов. Значительный вклад, прежде всего в общую теорию философии, а затем и в более конкретные темы, предполагал наличие талантов какого-нибудь вундеркинда — такого, как Сартр, обладающего всевозможными способностями и абсолютным владением игрой, правила которой он умел виртуозно нарушать. Койре, напротив, в силу своей эрудиции был обречен на более «серьезные» инвестиции; ему пришлось в течение достаточно долгого времени старательно укреплять свое положение в чужой для себя стране. Отсюда его крайняя преданность знанию и своего рода теоретический агностицизм, удерживавший его от выражения своего мнения в крупных спорах относительно положения интеллектуалов¹⁰.

¹⁰ «Из-за его исследования о Бёме и других публикациях о спиритуалах многие полагали, что и сам Александр Койре является важным теософом-мистиком. Но это был человек невероятно скрытный и сдержанный в том, что касалось его личных убеждений. Подчас какая-нибудь его шутка могла заставить вас подумать, что он агностик или даже отчаявшийся нигилист. В действительности же наш друг Койре унес с собой свою тайну» (*Corbin H. Post-scriptum à un entretien philosophique // Corbin H. Cahiers de L'Herne. 1981. P. 44.*

Изначально немецких авторов публиковало не издательство «Alcan», но в первую очередь неспециализированные издатели, делавшие ставку на новые тенденции. Так, «Gallimard» опубликовал первый перевод статьи Хайдеггера «Что такое метафизика?» с отрывками из «Бытия и времени» (1938); позднее вышли «Основные проблемы феноменологии» Гуссерля (1950), «Ницше» Карла Ясперса (1950), «Формализм в этике и материальная этика ценностей» Макса Шелера (1955); в том же издательстве были опубликованы труды новых авторов — таких как Б. Гротуйзен (учредителя и члена научного совета книжной серии «Библиотека идей») и в особенности самых известных (и симпатизирующих им) экзистенциалистов, таких как Сартр, Мерло-Понти, Симона де Бовуар, Габриель Марсель, Альбер Камю. Издательство «Aubier-Montaigne», основанное в 1924 году и в значительной степени посвятившее себя религиозной и мистической философии, также сыграло важную роль, прежде всего благодаря коллекции «Философия духа», основанной в 1934 году Л. Лавелем и Р. Ле Сенном. Оно содействовало знакомству с произведениями Гегеля (с комментариями Жана Ипполита и Анри Ньеля) и Кьеркегора, а также Николая Бердяева, Мартина Бубера, Николая Гартмана, Макса Шелера, Владимира Соловьева; здесь издавались такие французские авторы, как Жан Гитон, Луи Лавель, Рене Ле Сэнн, Габриель Марсель, Жан Набер, Морис Недонсель, Поль Рикёр. В период с 1934 по 1941 год в этом издательстве выходил журнал «Esprit», главным редактором которого был Эммануэль Мунье.

Распространению новых течений содействовали, скорее, не университетские, а небольшие околууниверситетские журналы. Один из них, «Recherches philosophiques», был учрежден в 1931 году при маленьком издательстве «Voivin» Койре, Пюэшом и Шпайером¹¹, к которым позднее присоединились Башляр и Сурио. Находясь на периферии академического поля, они вынуждены были получать своего рода авторизацию от академического сообщества через попечительский совет, в который входили как профессора Сорбонны (Э. Брейе, Л. Брюнsvик, А. Делакруа, Ж. Дюма, Э. Жильсон, А. Лаланд, Л. Леви-Брюль, А. Рей, А. Риво, Л. Робен), так и представители различных научных учреждений, таких как Эколь Нормаль или Коллеж де Франс (С. Бугле, П. Жане, К. Леон, С. Леви, Э. Ле Руа, Э. Мейерсон). Но авторы журнала были университетскими философами лишь отчасти. Они отказались от стиля официальных философских журналов, чтобы «быть открытыми не только для уже готовых трудов, но и для текущих исследований». Журнал характеризовало, прежде всего, любопытство к новому, стремление рассказать о современных течениях (феноменология, экзистенциализм), поиск еще не выявленных связей между различными мирами. К при-

¹¹ Альберт Шпайер родился в Яссах в 1883 году, в 1920 году получил должность преподавателя философии, с 1927 года был профессором в Кане; умер в 1934 году.

меру, в первом номере, в рубрике «Современные тенденции в метафизике» были опубликованы совершенно несхожие между собой работы Жана Валя («К конкретному»), Альбера Шпайера («Мышление и протяженность»), Гастона Башляра («Ноумен и микрофизика»), Жана Барюзи («О мистическом языке») и Мартина Хайдеггера («О сущности основания»). В журнале соседствовали тексты различных направлений: труды по философии и истории религии (Ж. Барюзи, А. Корбен, П. Массон-Урсель), по новой философии (М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, К. Лёвит, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, Ж. Валь), по эпистемологии и истории науки (Г. Башляр, Ж. Кавайес, Э. Дюпреэль, А. Лаутман, Э. Мейерсон, Х. Рейхенбах), по теологии (статья о Р. Бультмане) и спиритуалистской метафизике (Ж. Эрш, П. Ландсберг, А. Марк), по лингвистике (Х. Пос), по психопатологии (Е. Минковский, Ж. Лакан). Рядом с текстами модных авторов (Дильтей, Гегель, Хайдеггер, Кьеркегор, Ницше) встречались исследования по мистике и восточной теологии. Тут же печатались представители гуманитарной учености (Ж. Дюмезиль) и эссеисты, с трудом поддающиеся классификации (Ж. Батай, Р. Кайуа, П. Клоссовски).

Очевидно, что между полюсами академизма и авангардизма на поле философской мысли существовали зоны взаимодействия и обмена. Одним из посредников между ортодоксальными учителями и молодыми еретиками был Жан Валь. Он родился в 1888 году, приходился племянником Леону Брюнsvику, окончил Эколь Нормаль и преподавал философию. Он обладал всеми качествами совершенного философа, оставаясь открытым для новых, возникавших вне университетской среды интеллектуальных веяний, с которыми он сталкивался в основном во время посещений кружка своего друга Габриеля Марселя, куда входили самые разные личности (Гротуйзен, Лавель, Ле Сенн, Левинас, Рикёр, Сартр). Именно он придумал лозунг «К конкретному!», ставший названием его книги 1932 года. Подобное смешение традиционности и инновации, свойственное его работам («Плюралистские философские течения Англии и Америки», «О роли момента в философии Декарта» — обе вышли в парижском издательстве «Alcan» в 1920 году), позволило ему начиная с 1920-х годов сделать карьеру в высшей школе: он посвятил себя авторам, не входившим в философский пантеон (Кьеркегору, Гегелю, Ницше), а также писал стихи, обзаведаясь знакомствами в маргинальных кругах («Коллеж социологии» Ж. Батая). Его назначение в Сорбонну в 1936 году стало признанием нового философского стиля, столпом которого, а также внимательным и осторожным комментатором он был¹².

Изменение соотношения сил в философском поле отчасти отразилось и на трансформациях социальных характеристик следующих поко-

¹² О карьере Жана Валя см.: *Kalinowski I. La littérature dans le champ philosophique. L'exemple de Jean Wahl et de Hölderlin // Methodos. 2000. 1.*

лений. Философы «новой Сорбонны» смотрели на интеллектуальную деятельность как на возможность собственной эмансипации, поскольку история их профессионального роста сочетала успешную учебу с подчиненным социальным положением: это были выпускники Высшей нормальной школы, преподаватели философии, впоследствии — доктора наук; многие из них происходили из еврейских семей, редко из интеллектуалов (отец Ф. Рау был преподавателем в учебном заведении для глухих), а чаще из мелкой или средней торговой буржуазии (Л. Брюнсвик, Л. Леви-Брюль, Г. Мило), реже — из зажиточной буржуазии (Э. Галеви, рядом с которым можно поставить и самоучку К. Леона), или же из духовного сословия (Дюркгейм, чьи предки по материнской линии были коммерсантами). Их принадлежность к дрейфусарам стала выражением приверженности этико-политическим ценностям и идеалам Просвещения, опирающимся на союз науки, разума и прогресса. Несмотря на последовавший упадок, представители «новой Сорбонны» продолжали играть решающую роль в университете до конца 1930-х годов: Леви-Брюль преподавал в Сорбонне до 1926 года, а Брюнсвик (который вместе с Ксавье Леоном пригласил в Париж Гуссерля) — до 1940-го. Опорой их власти зачастую был прямой и формальный контроль над органами институционального воспроизводства (конкурсы на замещение преподавательских должностей, диссертационные комиссии), издательствами (издательство «Alcan», журналами «Revue de métaphysique et de morale», «Revue philosophique») и научными дебатами («Французское философское общество»).

Сложно не связать то блеклое впечатление от Сорбонны, которое создавалось у студентов-философов в межвоенный период, с социальным происхождением профессоров той эпохи. Кроме тех, кто уже был упомянут, можно отметить, что сорбоннские преподаватели философии в большинстве своем были довольно скромного происхождения: среди них были и дети чиновников образовательного ведомства (Эмиль Брейе, род. в 1876 году, стал профессором в 1919-м), и дети служащих (Реймон Тамен, соответственно 1857/1924; Поль Фоконне, 1874/1921; Шарль Блондель, 1876/1929) или торговцев и коммерсантов (Этьен Жильсон, 1884/1921; Абель Рей, 1873/1919; Леон Робен, 1866/1924); некоторые, конечно, происходили и из более привилегированных слоев: это были дети промышленников (Жан Лапорт, 1886/1932), университетских преподавателей (Анри Делакруа, 1873/1909), чиновников высшего ранга (Альбер Риво, 1876/1927), врачей (Жорж Дюма, 1866/1921), школьных преподавателей (Андре Лаланд, 1867/1898; Морис Хальбвакс, 1877/1935; Жан Валь, 1888/1936). Явное большинство происходило из провинции (парижанами среди них были только Брюнсвик, Делакруа и Жильсон)¹³.

¹³ Эти сведения о сорбоннских философах соответствуют сведениям о преподавательском штате в целом, если судить по данным, предоставленным Кристофом

Логику интеллектуальных и этических воззрений этих университетских преподавателей можно лучше понять, зная, что лишь малая их часть открыто исповедовала религиозные, прежде всего католические, взгляды (Жильсон, Лапорт, Риво, Тамен). У некоторых профессоров связь с наукой была эксплицитной: Блондель и Дюма преподавали психологию, Фоконне — социологию, Лаланд — изначально — «логику и методологию науки», Хальбвакс — «историю социального хозяйства», затем — «методологию и логику науки» и, наконец, социологию, Рей — «историю и философию науки»; у других же — имплицитной, — в особо примечательных случаях, таких как случай Брюнсвика (чьи знания в области эпистемологии и истории науки скрывались за неопределенным понятием «общей философии», обеспечивавшей ему авторитет в философии в целом, а позднее — за вывеской «история современной философии») или случай Леви-Брюля (который, официально являясь профессором истории современной философии и специалистом по Конту, Декарту, Якоби, Юму, Лейбницу и другим философам, посвящал значительную часть своего времени вопросам первобытного мышления и таким образом делал своего рода «двойную карьеру»¹⁴).

Напротив, распространители новых доктрин феноменологического и экзистенциалистского типа чаще происходят из образованных слоев высших классов. Среди тех, кто в 1930–1940-е годы так или иначе способствовал знакомству Франции с немецкой философией и развитию нового философского сознания, многие происходили из образованных слоев зажиточной буржуазии (Р. Арон, А. Корбен, А. Кожев, А. Койре), из чиновников высшего ранга (Г. Марсель), представителей свободных профессий (Б. Гротуйзен, В. Янкелевич), школьных преподавателей (П. Рикёр, Ж.-П. Сартр, Ж. Валь), книготорговцев (Э. Левинас), а порой даже из знати (С. де Бовуар) и из офицерской среды (Ж. Ипполит, М. Мерло-Понти). Относительно деклассированными были определенные личности, и в первую очередь те, кто родился за границей и оказался во Франции вследствие более или менее драматических событий. Некоторые носители новой культуры (С. де Бовуар, А. Корбен, Ж. Ипполит, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, П. Рикёр) сталкивались с религиозностью в среде, из которой происходили, что могло способствовать возникновению у них определенной настороженности в отношении «сциентистских» подходов.

Шарлем. Шарль отмечает, что в период с 1909 по 1939 год наблюдалось усиление позиций средних или низших классов при ослаблении высших классов (за исключением чиновников высшего ранга). Кроме того, стало меньше парижан. С данными и комментариями к ним можно ознакомиться в книге: *Charles C. Les Professeurs de la faculté de lettres de Paris. Dictionnaire biographique 1909–1939*. Paris: INRP-CNRS, 1986.

¹⁴ В связи с Л. Леви-Брюлем, см.: *Merllie D. Presentation. Le cas Levy-Bruhl // Revue philosophique de la France et de l'étranger*. No. spéc. «Autour de Levy-Bruhl». 1989. № 4.

Традиции и переводы

Все побуждало новое поколение совершить «консервативную революцию» в философии, — разумеется, в смягченном виде, приспособленном к национальным условиям интеллектуального и политического порядка. Одним из принципов мобилизации молодых философов стал антиобъективистский настрой, враждебный уподоблению реальности объекту, создаваемому наукой посредством классифицирования и измерения. С конца XIX века развитие социальных наук могло вызвать у философов и, в целом, у специалистов в гуманитарной сфере чувство беспокойства с определенной примесью зачарованности. Они стали задаваться вопросом о том, не может ли наука превратить самые благородные сферы бытия в простые объекты знания, рассматриваемые с применением наиболее прозаических приемов. Именно так социальный фантазм стандартизации и усреднения (правда, действительно коренящийся в метаморфозах, происходивших с пространством интеллектуальных дисциплин и самими образцами научности) стал инвариантом дискурсов данных агентов. Но политическая форма, которую мог принять этот фантазм, зависела от существующих отношений между философской, университетской и политической сферами — как это видно на примере сравнения Франции и Германии межвоенного периода. Если в одном случае компромисс между республикой и гуманистической культурой обеспечил возникновение достаточно мирной позиции, то кризис либерального пути развития серьезно задел немецких преподавателей. Ощущение упадка, выраженное различными идеологами — к примеру, Освальдом Шпенглером, — вызывало у них раздражение и стремление к идеологической и политической мобилизации для защиты высших ценностей «образования» (*Bildung*) и «духа» от угроз «утилитаристского» и «технистского» общества¹⁵. «Личность», в первом случае ассоциируемая с индивидуальной свободой мысли, во втором — связывала себя посредством трагической риторики с (национальной) историей и с «сообществом».

Показателен в этой связи тогдашний дискурс о науке, выстраивавшийся по двум стратегическим направлениям. В отличие от антинатурализма, направления скорее оборонительного, отстаивавшего несводимость философии к пространству «мирских» дисциплин (психологии¹⁶, социологии, истории), антиобъективизм преимущественно стремился теоретически обосновать эти науки, пребывавшие в глубоком и прин-

¹⁵ Ringer F. The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community. 1890–1933. Cambridge: Harvard University Press, 1969.

¹⁶ В связи с теоретическим спором, относящимся прежде всего к натурализму в психологии, см.: Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London; New York: Routledge, 1995, а также главу, посвященную «Антипсихологизму» в: Freuler L. La Crise de la philosophie au XIXe siècle. Paris: Vrin, 1997.

ципиальном непонимании собственных предпосылок, и тем самым придать им большую внятность и понимание самих себя.

Отказ от логики научной объективации предполагал изобретение особой логики, фундаментальной и конституирующей: такого философского обоснования объективирующих знаний, которое как таковое в силу своей природы считалось бы необъективируемым, неклассифицируемым согласно категориям обосновываемого им объекта. Подобный подход к научности порождал вдвойне дуалистическое представление. К первому разделению, противопоставлявшему науку и философию, прибавлялось второе — противопоставление естественных и общественных наук. Эпистемологический дуализм выстраивал против греха объективизма, применявшего одни и те же методы ко всей области познаваемого, линию защиты, основанную на предположительно радикальном противопоставлении природы и культуры, отражающем онтологическую двойственность вещи и человека¹⁷.

Вот почему имя Бергсона, провозвестника обновленной метафизики, способной преодолеть кантианство и позитивизм, естественным образом приходит на ум посредникам, стремящимся подыскать для своих читателей наилучший французский эквивалент зарейнских мыслителей¹⁸. Подобное «глубокое родство бергсонианства и феноменологии», упоминаемое у Жоржа Гурвича¹⁹, одного из первых комментаторов Гуссерля во Франции, допускалось или признавалось многими феноменологами²⁰. В самой университетской среде несколько по-

¹⁷ В связи с «теологическим фоном современного антинатурализма», и прежде всего герменевтики, см. автора попперовской ориентации: *Albert H. La Sociologie critique en question*. Paris: PUF, 1987.

¹⁸ В этой связи см.: *Pinto L. Les Neveux de Zarathoustra. La réception de Nietzsche en France*. Paris: Le Seuil, 1995. P. 38 sq.

¹⁹ *Gurwitsch G. Les Tendances actuelles de la philosophie allemande*. Paris: Vrin, 1930. P. 14. Современное восприятие этого «глубокого родства» не может быть выявлено ретроспективным взглядом, который довольствуется упоминанием о нем как о наивном проявлении «духа времени». В действительности система теоретических эквиваленций и противопоставлений («Бергсон близок к Гуссерлю, Хайдеггеру или Ницше и далек от Канта, Дюркгейма и прочих») неотделима от практических соображений, обуславливающих положительный или отрицательный выбор в рамках определенной конъюнктуры. О подобных «сближениях» обычно забывают исследователи, верные только «тексту».

²⁰ В статье с характерным названием «От Бергсона до экзистенциальной феноменологии» (*Revue philosophique de Louvain*. Vol. 54. 1956) Жак Таминьо пишет следующее: «В целом, исходная точка Гуссерля сходна с отправной точкой Бергсона. В момент, когда Бергсон начинает излагать свою мысль, у нас на глазах разворачивается противостояние — противостояние науки и философии. С одной стороны, объективизм подпитывает стремление систематизировать природу, создав сеть отношений причинности между внешними друг для друга элементами. С другой стороны, философия отрицает веру в абсолютный порядок, созданный в объективном мире пространственно-временных отношений...». По мнению Ж. Херинга, «интуитивизм Бергсона [...] подготовил почву для философии, враждебной ко всем абстрактным конструкциям и к чисто рациональным выводам» («La phéno-

средников (Ж. Валь, В. Янкелевич, автор работы о Шеллинге) также установили связь между двумя национальными традициями. В противоположность «абстракции», «рассудку», «объекту», «анализу» они обращались к «конкретному», к «жизни», «существованию», «пережитому», «совокупности», — ко всем этим словам, уже в некоторой степени знакомым французскому читателю, который полагал, что через немецкий их вариант сможет преодолеть свойственные бергсонианству теоретические ограничения, дабы достичь новой сферы, очарованию которой, очевидно, в немалой степени способствовали бергсоновский язык и стиль²¹. Заимствованная философия, в особенности в своем феноменологическом изводе, предоставляла приемы технического эзотеризма, подкреплявшие отказ от спиритуалистической французской традиции, и при этом позволяла эвфемизировать некоторые религиозные порывы. Эта новая интеллектуальная ситуация возвещала упадок идеалистического направления, воплощенного в личности главного философа Сорбонны: «Собственная философия Брюнсвика, — заявлял Мерло-Понти, — не стремилась изучать конкретный мир, остающийся за пределами науки. По его мнению, восприятие, искусство, религия являли собой лишь эскизы научного знания, а философия оставалась простым представлением о духовной деятельности, прислуживающим науке»²². По свидетельству того же Мерло-Понти, до конца 1920-х годов экзаменационные эссе кандидатов на преподавательские должности «часто представляли собой движение в сторо-

ménologie» en France // Farber M. L'Activité philosophique contemporaine en France et aux États-Unis. Paris: PUF, 1950). Левинас, в свою очередь, упоминает о впечатлении, произведенном бергсонианством: «В первые годы моей учебы во Франции, с 1924 по 1930 год, это и была настоящая философия; и я сохранил верность тому ощущению новизны» (*Poirié F. Emmanuel Levinas, Essais et entretiens. Arles: Actes Sud, 1996. P. 75*). Следует также упомянуть работу М. Мерло-Понти, отдающую дань уважения Бергсону: *Bergson se faisant // Merleau-Ponty M. Éloge de la philosophie et autres essais. Paris: Gallimard (Coll. «Idées»), 1965.*

²¹ Связь бергсонианства с феноменологией представлялась еще более правдоподобной оттого, что некоторые зарейнские феноменологи, в свою очередь, применяли схожий прием сближения. Можно вспомнить таких авторов, как М. Шелер или Р. Ингарден (диссертация под руководством Гуссерля в 1918 году, «*Intuition und Intellekt bei Henri Bergson*»). А. Рейнах, ассистент и первый выдающийся ученик Гуссерля, в 1913–1914 годах читал лекции о Бергсоне. Случай А. Шюца интересен тем, что феноменологический период у него последовал за этапом бергсонианства. Г. Зиммель, на определенном этапе своей карьеры черпавший вдохновение в идеях Бергсона, еще до войны стал одним из немецких партнеров французских философов и социологов.

²² *Merleau-Ponty M. L'agrégation de philosophie // Bulletin de la Société française de philosophie. 38e année. № 4, 1938* (то же: *Merleau-Ponty M. Parcours. 1935–1951. Paris: Verdier, 1997*). «Воспитавшая нас французская философия не знала ничего, кроме эпистемологии», утверждал Саптр (*Une idée fondamentale de la phénoménologie de Husserl: l'intentionnalité // Nouvelle Revue française. 1939; то же: Situations. I. Paris: Gallimard, 1947. P. 31*).

ну Канта периода трех Критик»²³ и были отмечены печатью неизлечимой книжной ортодоксальности.

Из всей аморфной массы «немецкой» философии именно феноменологии, казалось, была предуготовлена особая роль, которая частично объясняет специфику формирования философской проблематики в 1930–1950-е годы, особенно в вопросе о статусе общественных наук. Распространение этого философского течения не было массовым; оно стало возможным благодаря прибытию во Францию выдающихся его представителей (Шелера в 1924 году, Гуссерля в 1929-м); но прежде всего феноменология обязана своим успехом философскому и лингвистическому авторитету небольшого количества посредников, имевших доступ к оригиналам и архивам (это, в частности, Гротуйзен, Гурвич, Херинг, Койре, Левинас); причем некоторые из них не желали довольствоваться ролью историков философии и стремились творить. Примечательно, что количество переводов Гуссерля долгое время оставалось незначительным: вплоть до 1950-х годов французские читатели будут довольствоваться лишь частичным и искаженным представлением о его трудах, основанным только на «Картезианских размышлениях» (курс лекций, прочитанных в Сорбонне в 1929 году и опубликованных в 1931 году в издательстве «Armand Colin», в переводе Э. Левинаса и Г. Пайфер под редакцией А. Койре).

Одним из первых авторов, представивших Гуссерля французскому читателю, стал Бернард Гротуйзен. Он родился в Берлине в 1880 году, изучал философию (посещал лекции оказавшего на него значительное влияние В. Дильтея), а также экономику (Г. Шмоллер), психологию (К. Штумпф), историю искусств (Г. Вёльфлин), защитил докторскую диссертацию о симпатии (1904), в которой объединил подходы психологии и истории искусства. Начиная с 1910 года он знакомил французов с современной немецкой философией. После войны Гротуйзен продолжал жить между Берлином, где был ассистентом (1920), а позднее профессором (1931–1932), и Францией, где сотрудничал с различными журналами, в том числе с «Новым французским обозрением» (NRF), принимал участие в «декадах Понтинья», в создании книжной серии «Библиотека идей» издательства «Gallimard») и где окончательно обосновался в 1933 году. По обе стороны Рейна он поддерживал отношения с писателями, эссеистами (Ш. дю Бос, А. Жид, Б. Парэн, Ж. Полан), философами и социологами (А. Корбен, В. Дильтей, Э. Гуссерль, А. Койре, Г. Марсель, М. Шелер, Г. Зиммель). В качестве посред-

²³ Merleau-Ponty M. L'agrégation de philosophie... P. 56. По мнению Сартра, феноменология объявила конец «пищеварительной философии эмпириокритицизма, неокантианства»: «По прошествии ста лет академизма французская философия остается на своем прежнем месте. Все мы читали Брюнсвика, Лаланда и Мейерсона, все мы верили, что Сознание, подобно пауку, увлекает вещи в свою паутину, обволакивает их белой слюной и медленно глотает, превращая их в субстанцию, из которой оно само создано» (Une idée fondamentale... P. 29).

ника между странами и отраслями знания он сыграл решающую роль в нескольких проектах, например в публикации в издательстве «Gallimard» первого перевода Хайдеггера. Собственные интеллектуальные и политические воззрения Гротуйзена были близки к марксизму, — притом, что главный его труд, «Истоки буржуазного духа во Франции» (Gallimard, 1927), принадлежит, скорее, к традиции социальной истории культуры и религии. В его «Введении в немецкую философскую мысль, начиная с Ницше» (Stock, 1926)²⁴ Гуссерль включен в одну группу с Дильтеем, Ницше, Зиммелем. Общим для всех этих мыслителей оказывается утверждение особого положения философии по отношению к науке: «Небезынтересно проследить, как развивалась в Германии свободная философия, которая, скажем так, мирным путем отделилась от наук» (с. 135). Отдав приоритет «видению», «интуиции», Гуссерль вернул философии, «в некотором смысле, свободу в обращении с ее имуществом» (с. 131), что у нее оспаривали позитивные знания. Если наука предлагает сведения о натуралистской стороне причинно-следственных связей, философия позволяет видеть вещи такими, какими они являются, безо всяких допущений. Чтобы лучше это понять, Гротуйзен предлагает такое сравнение: «Представьте себе, что однажды в наших странах будет утеряно всякое чувство прекрасного. Произведение искусства само по себе более не будет представлять никакой ценности [...] Однако люди продолжают ходить в музеи, полагая, что картины и скульптуры всё же могут рассказать им об исторических и иных событиях» (с. 130). Подобный мир без «чувства прекрасного», очевидно являющий собой мир науки, вписывается в типично философский миф, позволяющий подчеркнуть не только интеллектуальную, но и этическую и культурную роль феноменолога: «Теперь представьте, что некто, еще сохранивший чувство изящного, объясняет своим современникам, что произведения искусства имеют собственный смысл, не зависящий от их документальной ценности». Такой человек столкнется с «весьма потрясенными» людьми: «И действительно, наше отношение к идеям во многом напоминает отношение наших любителей “фактов” к картинам [...] Как те уже не умеют видеть картины, так же и мы разучились видеть идеи» (с. 130). В соответствии с новым духом философии, феноменология, по мнению Гротуйзена, является собой попытку подойти к «первичной, основной мысли, к которой все сводится», к «первооснове всякой науки» (с. 131).

Подобное ощущение обнаруживается и у молодого Эммануэля Левинаса, автора одной из первых книг об основах феноменологии, «Теория интуиции в феноменологии Гуссерля» (1930), в основу которой легла защищенная в Страсбурге диссертация: «Мы [...] постарались показать, как именно Гуссерль преодолевает натуралистическую онтологию, которая гипостазировала объект физики [...]. Мы пришли

²⁴ Переиздание: Philosophie et histoire. Paris: Albin Michel, 1995.

к понятию сущего, тесно связанному с понятием «переживания»²⁵. В заметке, написанной по случаю (ее темой были впечатления от путешествия за Рейн, прежде всего во Фрайбург), Левинас выражает свое восхищение новым учением, в каком-то смысле объединившим, по его представлению, фигуры Гуссерля и Хайдеггера. Отрицая «Аристотелевы или Кантовы премудрости», это учение позволило покончить со сциентистскими иллюзиями предыдущего века: «Для молодых немцев, с которыми я познакомился во Фрайбурге, эта новая философия — нечто большее, чем новая теория: это новый идеал жизни, новая страница истории, почти что новая религия»²⁶. Феноменология перестает казаться вспомогательным средством науки, простой «теорией познания»²⁷, к которой она сводилась прежде. Она приобретает, в первую очередь, антиобъективистскую направленность. В действительности, феноменология предполагает «переворот научного подхода», решительный переход на сторону явления, которое «деформируется» операцией «конструирования»: «Феноменологический метод хочет разрушить ложный мир, обедненный натуралистскими стремлениями нашего времени». Благодаря феноменологии собственно философское достоинство приобретают «чувства», «субъективные состояния», «аффективные тональности», предполагающие особую форму интенциональности и относящиеся к особым объектам, не сводимым к «модели теоретического объекта» и предоставляющим доступ к «самим вещам»; отказ от исключительно «теоретической» ориентации философии позволяет выступить против традиционного разделения на объективное и субъективное, ведь к самой «сущности сознания» относится стремление бежать всего чисто субъективного: «Всё то, что является сознанием, не замыкается на самом себе, как вещь, но стремится к миру». «Обновление философии», анонсируемое таким образом, состоит в «рассмотрении явлений в их свежести и конкретике, в их неистребимой оригинальности». Однако, что примечательно, успех этого философского направления связывают с именем Хайдеггера²⁸, названного в восторженном высказывании одного из студентов, завершающем текст, «величайшим философом в мире». Поэтому обогащение фено-

²⁵ *Levinas E. La Théorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl. Paris: Alcan, 1930 (переиздание: Paris: Vrin, 1963). P. 216 (русский перевод цитируется по: Левинас Э. Избранное: Трудная свобода / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2004).*

²⁶ *Levinas E. Fribourg, Husserl et la phénoménologie // Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande. 1931. 5e année. № 43; то же в: Levinas E. Les Imprévus de l'histoire. Fondfroide-le-Haut, 1994. См. также: Levinas E. Séjour de jeunesse auprès de Husserl // Sepp H. R. Edmund Husserl und die phänomenologische Bewegung. Zeugnisse in Text und Bild. Fribourg; München: Karl Alber, 1988; то же в: Levinas E. Positivité et transcendance. Paris: PUF, 2000.*

²⁷ *Levinas E. La Théorie de l'intuition... P. 17.*

²⁸ О двусмысленности в прочтении Гуссерля Левинасом, об «искусственной, логично замкнутой конструкции» см.: *Lavigne J.-F. Levinas avant Levinas: l'introduit et le traducteur de Husserl // Levinas E. Positivité et transcendance... P. 72.*

менологии²⁹ учеником Гуссерля стало предметом детальных размышлений в книге, посвященной самому Гуссерлю, в которой при этом фактически ничего не сказано ни о Карнапе, ни о Фреге, ни о Расселе, ни о Витгенштейне³⁰...

Подобные теоретические рамки, заключающиеся в отказе от натурализма и объективизма, безусловно позволили объединить во Франции авторов, стремившихся создать важные философские произведения и причислявших себя к феноменологическому направлению. Неудивительно, что среди тех, кто сформировал эти рамки, мы столкнемся и с тем, кто приобщил Левинаса к феноменологии: с французским учеником Гуссерля Жаном Херингом (род. в 1890 году). Член гёттингенского кружка молодых феноменологов, ставший профессором протестантской теологии в Страсбурге, он сыграл роль посредника между немецкой и французской философией, философией и теологией, и опубликовал в 1925 году первую «феноменологическую» книгу под названием «Религиозная феноменология и философия» — материалы диссертации, защищенной им на факультете протестантской теологии³¹. Гуссерлева критика психологизма стала для Херинга образцом борьбы, которую следовало вести на теологическом поле, в традиции Карла Барта, против современных форм научного вырождения. Психологизм, историзм, социологизм (Дюркгейм): именно от таких искушений либеральной теологии должна была избавить феноменология. Вместо того чтобы включать божественное в цепочку случайных событий, необходимо было искать его в интенциональной направленности сознания, поставленного в условия идеального способа существования в соответствии с законами сущего. Иными словами, предлагаемое Гуссерлем противопоставление трансцендентального эго психологическому субъекту должно было быть пересмотрено для нужд обновленной теологии: так как эмпирические дисциплины могут постичь лишь факт, вписанный в строй «строгого детерминизма», они должны обратиться к оригинальному методу философского описания и описать чисто религиозный опыт, требующий — так же, как и восприятие или суждение — адекватного рассмотрения. Программа, содержащаяся в этой книге, внесла свой вклад в тот «феноменологический поворот в теологии»³², который в течение века захватил в разной мере все конфессии.

²⁹ См. в частности: *Levinas E. La Théorie de l'intuition...* P. 14, 218.

³⁰ В связи с последствиями для феноменологии сокрытия лингвистического измерения в первом тексте Гуссерля в пользу «онтологического» или метафизического стиля, см.: *Benoist J. Sur l'état présent de la phénoménologie // L'idée de phénoménologie. Paris: Beauchesne, 2001. P. 1 sq.*

³¹ *Hering J. Phénoménologie et philosophie religieuse. Étude sur la connaissance religieuse. Strasbourg: Imprimerie alsacienne, 1925.*

³² Автор парафразирует — и переворачивает — название книги Доминика Жанико (D. Janicaud, 1937–2002) «Теологический поворот во французской феноменологии» (1991). — *Прим. ред.*

Чтобы лучше оценить постоянство подобного отношения к феноменологии, обратимся к более позднему тексту Левинаса³³. В 1957 году, на посвященном Гуссерлю коллоквиуме в Руайомоне, этот признанный феноменологами толкователь Гуссерля, а тогда простой преподаватель еврейской средней школы, перечисляет то, что он считает основными признаками «феноменологической техники»; при этом слово «техника», очевидно, использовалось им в благородном значении искусства, не разложенного на «тезисы». По его мнению, эти признаки таковы: описание, противопоставляемое «дедукции» и «индукции»; преодоление «репрезентации и теоретического объекта», а также «созерцания объекта»; феноменология, понимаемая как «откровение» самого «бытия» в его «истинности» (а не в качестве простого умственного, культурного, исторического события); предоставление «основного места» «восприимчивости», пассивности, времени — в противоположность теоретической деятельности; преодоление противопоставлений «быть — казаться» и «объективное — субъективное» в пользу более первичных оснований; укоренение разнообразной и дифференцированной реальности в «чувственном восприятии». Постоянно подчеркивая «техничность» и «методичность» феноменологии, Левинас на самом деле видел в ней процедуру, обеспечивающую исключительный доступ к более глубоким уровням смысла, и таким образом стремился заменить сложный, программный стиль исследований Гуссерля самодостаточным учением, наполненным тезисами в самом традиционном смысле этого слова: заявленная «описательная» направленность не могла полностью скрыть сугубо антинаучные и антиобъективистские намерения.

Целый ряд посредников в 1930-е и 1940-е годы предлагали толкование феноменологии, в значительной степени зависимое от их собственных интеллектуальных интересов, — так было, к примеру, в случае с Сартром и Мерло-Понти. Представление о Гуссерле, изначально сложившееся во Франции, концентрировалось на некоторых аспектах и игнорировало тот вклад, который феноменология намеревалась внести в общую теорию познания, поскольку стремилась исследовать, помимо восприятия и чувственности, множество «региональных» объектов и аспектов и показать через соотношение интенциональных «актов» и их содержания когнитивную сторону выразительных актов и актов познания³⁴, того, как они связаны с реальностью. Гуссерля

³³ *Levinas E. Réflexions sur la «technique» phénoménologique // Husserl. Cahiers de Royaumont. 1957. Paris: Minuit, 1959.*

³⁴ В работе «Происхождение аналитической философии» Майкл Даммит подтверждает, что феноменология Гуссерля является в некотором смысле обобщением первоначальной проблематики экспрессивных актов, которую Гуссерль разделял с таким автором, как Фреге: гуссерлево решение проблемы отношений между намеренным действием и объективным содержанием являет собой «обобщение понятия значения», оно состоит в «обобщении называемого фрегевским различия

сравнивали или объединяли с Хайдеггером, Шелером и еще некоторыми современными философами³⁵. Антиобъективистская направленность феноменологии — вот на что, казалось, прежде всего обращали внимание ее толкователи, вынужденные отдавать предпочтение перспективе обновления психологии и/или онтологии нового стиля, нацеленного на преодоление традиционного противопоставления между явленностью феноменов и бытием. Вероятно, их привлекало более всего не многократно повторенное Гуссерлем движение от трансцендентальной редукции к разнообразным ее следствиям, но, скорее, обещание достичь изначального пласта означений, обычно скрытого за интеллектуалистскими построениями. Отсюда и предпочтение, отданное восприятию, воображению, эмоциям, понятым как первичные способы связи с миром. В 1945 году, высказывая в «Феноменологии восприятия» достаточно широко распространенное мнение об эволюции Гуссерля, Мерло-Понти не только помещал точку разрыва в Гуссерлевым «трансцендентальном повороте», выведившем на первый план эго, полученное в результате знаменитой «трансцендентальной редукции», но и устанавливал различие между первой, интеллектуалистской тенденцией, направленной на «возвращение к трансцендентальному сознанию, перед которым мир разворачивается в абсолютной прозрачности»³⁶, и поздней тенденцией к достижению изначального пласта, пласта бытия-в-мире, пласта восприятия, в котором «переплетаются» активность и пассивность: «Мир — не то, что я думаю, но то, что я переживаю; я открыт для мира» (р. XII). Отказавшись от приоритета бесплотного мышления о вещах, никогда не достигающего в реальности ничего, кроме возможностей, уже заложенных в душе, он призывал к радикальному обращению, образуемому «феноме-

между смыслом и отсылкой к экспрессивным — то есть, лингвистическим — актам и в переносе его на все психические действия» (р. 49 франц. перевода). Очевидно, такая перспектива не была основной во Франции в рамках интереса к Гуссерлю и обычного его прочтения.

35 «Я впервые прочел Гуссерля, Шелера, Хайдеггера и Ясперса в 1933 году, во время своей годичной стажировки при “Французском институте” в Берлине» (*Sartre J.-P. Questions de méthode*. Paris: Gallimard, 1986. P. 39; «Я пришел к феноменологии через Левинаса» (*Sartre J.-P. Merleau-Ponty // Les Temps modernes*. Octobre 1961; то же в: *Situations*. IV. Paris: Gallimard, 1964. P. 192).

36 *Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard, 1945. P. V. Точно так же, по его мнению, Гуссерль в своих исследованиях языка перешел от «первого тезиса», соответствующего «радикальной догматической позиции» («язык можно понять [...] лишь поместив его на основу общей теории речи или эйдетической теории речи, перечисления и описания различных форм значения») ко «второму тезису», в соответствии с которым «размышление о языке состоит не в том, чтобы найти язык и выйти из него, но, напротив, в том, чтобы обнаружить по сю сторону объективной науки о языке *говорящего субъекта*» (*Merleau-Ponty M. Les sciences de l'homme et la phénoménologie*), курс лекций в Сорбонне (*Bulletin de psychologie*. IV. 1950–1951; то же в: *Maurice Merleau-Ponty à la Sorbonne // Bulletin de psychologie*. XVIII. 3–6. 1964. P. 149).

нологическим позитивизмом, для которого возможное основывается на реальном»³⁷.

Учение Гуссерля стало известно и распространялось в то же время, что и учение Хайдеггера; и их обоих цитировали и комментировали больше, нежели переводили. Французский читатель узнал о Гуссерле, прежде всего, из важных работ Сартра («Бытие и ничто», 1943) и Мерло-Понти («Феноменология восприятия», 1945): в последней даже имеется глава под названием «Что такое феноменология?». Порядок, в котором переводились работы Гуссерля, безусловно передает этапы восприятия его французским читателем. Если «Идеи I» были переведены Полем Рикёром в 1950 году («Gallimard», серия «Философская библиотека», учрежденная Сартром и Мерло-Понти), то «Логические исследования» были изданы в переводе лишь в период с 1959 по 1963 годы («PUF», серия «Erimethée», учрежденная Ж. Ипполитом), как если бы чисто «трансцендентальный» период Гуссерля заслуживал определенного приоритета по сравнению с более техническими вопросами логики, языка и теории познания.

Гуссерль — теоретик логики и знания — стал предметом аналитических работ, которые, казалось бы, не привлекли внимания широкой публики: Жюль Танри упоминает «Философию арифметики» в «Науке и философии» (Alcan, 1912), Виктор Дельбо представляет первый том «Логических исследований» в «Журнале метафизики и морали» за 1911 год; Шарль Серрюс обращается к этим вопросам в журнале «Études philosophiques»³⁸ («Конфликт логицизма и психологизма», 1928; «Грамматические и логические категории», 1929) и в одной из глав книги «Логико-грамматический параллелизм» (Alcan, 1912). Тот же автор представляет свою рецензию на «Формальную и трансцендентальную логику» в «Recherches philosophiques» за 1931 год. Знакомству более широкой публики с Гуссерлем — теоретиком интенциональности способствовал Сартр («Воображение», Alcan, 1936; «Трансцендентность эго. Попытка феноменологического описания» в «Recherches philosophiques», т. VI, 1936–1937; «Интенциональная структура образа» в «Revue de métaphysique et de morale», 1938; «Фундаментальная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность», «Nouvelle revue française», 1939; «Воображаемое», Gallimard, 1940). Других авторов — к примеру, Жака Маритена — интересовало столкновение с томизмом: в 1932 году он вместе с Александром Койре и Эдит Штайн присутствовал на семинаре Общества томистов. Кроме того, следует отметить публикацию в 1941 году пропедевтической книги Гастона Берже, «Философия когито Гуссерля», уделявшей особое внимание привязанности Гуссерля идеалистической традиции.

В 1950-е годы во Франции феноменология стала одним из инструментов теоретического превосходства в сфере философии: мало распро-

³⁷ Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception... P. XII.

³⁸ Les Études philosophiques.

страненная среди широкой публики, мало признанная в академической философской среде в силу инертности институтов, изученная несколькими специалистами, приобщавшимися к таинствам чтения неизданных текстов в архивах Лувена, она добилась относительного признания, прежде всего, благодаря авторитету знаменитых авторов-феноменологов. Изучение Гуссерля стало одной из возможностей, присутствующих на горизонте всякого интеллектуала, прежде всего студента-философа, закончившего, подобно Жаку Деррида, Эколь Нормаль и прошедшего национальный преподавательский конкурс³⁹. Именно в этот период упадка экзистенциализма, в конце 1950-х годов, возникает множество университетских исследований и переводов. В 1957 году в Париже был создан центр архивов Гуссерля, его первым директором стал Мерло-Понти, которого в 1961 году сменил Рикёр. Академическая рутинизация (сопровождаясь действительной переводческой работой и созданием научных комментариев) произошла лишь в 1960–1970-е годы. Гуссерль был включен в программу преподавательского конкурса лишь в 1994 году.

Гуссерль и другие

Особую значимость феноменологии для теоретического капитала молодого восходящего философского поколения 1930-х годов можно понять, только принимая во внимание все характеристики ее положения. Если полюс авангарда в целом противостоял университетскому рационализму французского толка, то можно предположить, что сам он являлся структурой, внутренне противопоставленной, с одной стороны, Гуссерлю, являющему собой наиболее технический и сухой идеал, импонирующий специалистам, а с другой — Гегелю (или Хайдеггеру, но не Ницше, который тогда еще не обрел легитимности), аудитория которого оказывается с интеллектуальной и с социологической точки зрения более разнوماстной, включающей в себя достаточно большое количество неспециалистов и самоучек. В действительности, если аудитория Гуссерля набиралась, скорее, из университетской публики, то среди французских читателей и комментаторов Гегеля, напротив, встречаются и марксисты, и экзистенциалисты, и теологи; прежде всего, здесь обращает на себя внимание сосуществование профессиональных философов с образованными любителями. Состав аудитории Кожева в Практической школе высших исследований в середине 1930-х годов показывает, насколько Гегель привлекал представителей самых разных интеллектуальных и институциональных позиций, таких как Раймон Арон, Жорж Батай, Андре Бретон, Жан-Туссен Десанти, отец Фессар, Жан Ипполит, Жак Лакан, Эммануэль Левинас, Робер Маржолен, Жак и Морис Мерло-Понти, Реймон Кено, Эрик Вайль, Оливье Вормсер. Можно сказать,

³⁹ То же продолжается и сегодня, если судить по исследованию: *Soulié C. Anatomie du goût philosophique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1995. № 109.*

что подобный контраст между Гегелем и Гуссерлем отражает противопоставление, стремящееся структурировать область авангарда (и, возможно, являющееся его инвариантом), где с одной стороны располагается инициационный эзотеризм, предназначенный для образованной элиты, взыскующей откровений о своем «я» или о мире в свете тайн «диалектики», а с другой — научный герметизм, предназначенный для специалистов, занятых, скорее, задачами, которые диктует им автономная логика научной сферы. Гегель, отчасти как и Хайдеггер, с которым его часто сравнивают⁴⁰, и в большей степени, чем Гуссерль, представлялся прежде всего мыслителем, позволявшим преодолеть рационалистические ограничения феноменологии. Неслучайно интерес к этим философам часто сравнивают с обращением к западной, а также, и в первую очередь, к восточной мистике, — как это было в случае Корбена и Кожева⁴¹.

Роль неуниверситетских издателей в восприятии Гегеля имела определяющее значение. В 1925–1950 годах были изданы «Несчастье сознания в философии Гегеля» Жана Валя (Rieder, 1929), «Опосредование в системе Гегеля» Анри Ниля (Aubier-Montaigne, 1945), «Генезис и структура “Феноменологии духа”» Жана Ипполита (Aubier-Montaigne, 1946), «Введение в чтение Гегеля» Александра Кожева (Gallimard, 1947). Книга Анри Лефевра и Норбера Гутермана «Избранные фрагменты» из Гегеля (Gallimard, 1936) открыла широкой публике путь к идеям философа. В это время увеличивается темп переводов произведений Гегеля: в 1937 издательство «Vrin» публикует «Лекции по философии истории». В изда-

⁴⁰ Современный пример уравнивания Гегеля с Хайдеггером можно найти у А. Кожева: *Kojève A. Note sur Hegel et Heidegger // Recherches philosophiques. 1935–1936; то же в Rue Descartes. 1993. Vol. 7: «Тем, кто хоть немного знаком с философией Хайдеггера, этого будет достаточно, чтобы оценить, насколько она близка к философии Гегеля. Действительно, у последнего можно найти практически все идеи, которые называют исключительно Хайдеггеровыми, или Кьеркегоровыми, или же ницшеанскими и т. п. [...] Новация Хайдеггера состоит в решительном принятии онтологического дуализма, основного и онтологически нередуцируемого различия между быть-человеком (l'être-humain, *Dasein*) и быть-под-рукой (l'être-naturel, *Vorhandensein*)»* (р. 37). Упражнения в сравнении Гуссерля с прочими см. у Ж.-П. Сартра: *Sartre J.-P. Les Carnets de la drôle de guerre*. Paris: Gallimard, 1983, где автор упоминает «гениальный университетский синтез Гуссерля» (р. 226), который был сочтен слишком робким и не отвечающим на запросы времени.

⁴¹ Пояснив, что в юности он обнаружил определенное сходство между философией Хайдеггера и персидским исламом, А. Корбен таким образом определил модальность своего отношения к Хайдеггеру: «Я бы сказал, что первостепенна у него идея “герменевтики”, возникающая с первых же страниц “Бытия и времени” [...] К сожалению, мне кажется, что наши молодые хайдеггерианцы несколько упускают из виду эту связь герменевтики с теологией. Чтобы вновь обрести ее, очевидно, пришлось бы восстановить представление о теологии, весьма отличное от того, которое широко распространено в наши дни, как во Франции, так и за ее пределами, — я имею в виду теологию служанку социологии, а то и “социополитики”» (*Corbin H. De Heidegger à Sohrevard // Corbin H. Op. cit. P. 23*).

тельстве «Aubier» выходят «Феноменология духа» (1939 и 1941) в переводе Ж. Ипполита, «Эстетика» (1944) и «Наука логики» (1949) в переводах С. Янкелевича. В 1931 году, в год столетия смерти Гегеля, выходят специальные выпуски «Revue de métaphysique et de morale» и «Revue philosophique».

По словам многих участников, представлялось, что идеи Гегеля в большей степени, нежели идеи Гуссерля (и Маркса), служили капиталом для тех, кто философски позиционировал себя в области истории и современности⁴². Тезис Гегеля, согласно которому философия была «эпохой, схваченной в мысли», согласовывался с настроением, отвергавшим «абстрактный» интеллектуализм, «идеализм» «официальной» философии. В набиравшем значимость споре с марксизмом Гегель оставался единственным великим философом, к которому можно было обратиться по любому поводу (для критической легитимации, для углубления мысли). Наконец, он давал исключительный философский метод, «диалектику», от которой ожидали успешного соперничества с обычными методами позитивного знания. «Диалектические идеи», определяемые через противопоставление идеям объективистским, представляющим собой научную мысль в ее обычном значении, соответствовали видению философии как пути доступа к высшим сферам бытия и сознания. Они позволяли не замыкаться в рамках фиксированных и изолированных идентичностей, строгих классификаций, стабильных состояний, но обрести «обобщенную» точку зрения, выявить динамику «противоречий» и, как следствие, постичь движение в его сокровенном, глубоком значении, не только «абстрактно» или «извне». Центральной фигурой в деле распространения идей Гегеля стал Александр Кожев, один из посредников, способствовавших знакомству Франции с философскими течениями немецкого происхождения. Многие черты позволили ему достичь успехов в создании собственной, творческой интерпретации этих течений.

⁴² «Гегель — источник всего великого, что случилось за последний век в философии: например, марксизма, нищезнания, феноменологии и немецкого экзистенциализма, психоанализа», — заявил Мерло-Понти в статье (в связи с одноименной лекцией Ж. Ипполита 16 февраля 1947 г.): *Merleau-Ponty M. L'existentialisme chez Hegel // Merleau-Ponty M. Sens et non-sens. Paris: Nagel, 1948. P. 109.* Жорж Кангилем отмечает в 1949 году, что «в современной философской мысли доминирует гегельянство» (*Canguilhem C. Hegel en France // Revue d'histoire et de philosophie religieuses. 1949. Vol. XXIX. P. 282*). Несколько лет спустя, в 1961 году, Койре подтверждает это «истинное возрождение» Гегеля, в значительной степени связывая его с влиянием политической конъюнктуры: «Гегель породил Маркса; Маркс породил Ленина; Ленин породил Сталина»: А. Койре, постскриптум к «Отчету о состоянии исследований философии Гегеля во Франции», представленному на I-м конгрессе, посвященном наследию Гегеля и прошедшем в 1930 году: *Études d'histoire de la pensée philosophique. Paris: Armand Colin, 1961. P. 228.*

Александр Кожев родился в Москве в 1902 году, происходил из крупной буржуазии, обладавшей значительным и разнообразным капиталом (Кожев приходился племянником художнику Кандинскому), бежал из России после Октябрьской революции; он рано увлекся буддизмом, восточной философией, выучил несколько неевропейских языков (китайский, санскрит). Кожев изучал философию в Германии и под руководством Ясперса защитил докторскую диссертацию по Соловьеву; затем обосновался во Франции, где, вращаясь в околоуниверситетских кругах, снискал немалый философский капитал, не чураясь и других сфер (искусство, языки, наука и т. п.). В 1930 году он обанкротился, однако наследство позволило ему вести праздный образ жизни и поддерживать отношения в свете и интеллектуальном мире. Он сотрудничает с журналом «*Recherches philosophiques*», являвшимся точкой пересечения нескольких интеллектуальных кружков. Ему, казалось, было предназначено познакомить французскую публику с таким престижным и при этом малоизвестным автором, как Гегель. Койре способствовал приходу Кожева в Практическую школу высших исследований, где он вел семинар, посвященный толкованию Гегеля. Славу этому семинару создали его уже тогда знаменитые или прославившиеся позднее слушатели. Через несколько лет лекции были опубликованы писателем, не чуждым философской культуры (и увлеченным эзотерикой), — Реймоном Кено⁴³.

Так же, как до него Жан Валь, Кожев в большей степени интересовался «экзистенциальной» стороной гегелевского учения, чем прочими его направлениями, такими как логика и философия природы. «Вот почему человек не существует вне истории. Таким образом, феноменология Гегеля “экзистенциальна”, как и феноменология Хайдеггера [...] Феноменология — это философская антропология. Ее тема — человек в значении человеческого существа, действительного бытия в истории» (р. 39). Особо важный для Кожева текст, «Феноменология духа», вероятно, был наиболее пригоден для «антропологического» прочтения: в нем история переставала быть местом осуществления «Духа» и превращалась в сцену, где совершалась эмансипация человека. Утверждая, что диалектика — не абстрактный или таинственный процесс, вписанный в предсущий логос, но всего лишь движение, зародившееся при столкновении борющихся за «признание» сознаний, Кожев отвечал на ожидания интеллектуальных кругов, связанные с философской теорией истории. Символическая действенность сообщения соответствовала его двусмысленности: оно отдавало должное и экзистенциалистскому «трагизму», и «примирению»⁴⁴, которое само по себе тоже мог-

⁴³ Kojève A. Introduction à la lecture de Hegel. Paris: Gallimard, 1947. Об А. Кожеве см.: Auffret D. Alexandre Kojève. La philosophie, l'État, la fin de l'histoire. Paris: Grasset, 1990.

⁴⁴ «Здесь философия Гегеля отходит от своего первоначального пессимизма. Настоящая смерть и борьба — долгое созревание, во время которого история преодолевает свои противоречия, чтобы в естественных отношениях людей осуществить

ло иметь различные смыслы: прогрессистский, сталинистский⁴⁵ и даже технократический; оно прокладывало путь интеллектуальному марксизму, избавленному от тривиальностей, заключенных в «рискованной идее диалектики природы»⁴⁶; и в первую очередь оно, по словам Жоржа Кангилема⁴⁷, предъявляло новые аргументы в пользу дуалистического видения, способного убедить философов в неистребимой особости и истории человечества, и исторического знания, причем лучше, чем идеи Гуссерля, чье противопоставление трансцендентального эмпирическому не давало таких возможностей. Наконец, Кожев изобрел формулу, которой было суждено большое будущее, — формулу философии как расшифровки глубокого смысла, заключенного во времени: так как каждой эпохе свойственны свои характерные идеи, история отмечена последовательностью образов «Интеллектуала», чьим последним воплощением якобы является «Мудрец» «конца Истории».

Итак, борьба с предполагаемым объективизмом наук наложила свой отпечаток на французский подход к «немецкой философии», к этому заимствованному и вместе с тем сконструированному наследству, которое способствовало пересмотру ориентиров во французской национальной философской среде. Этому процессу мы обязаны двумя основными схемами, которые можно назвать схемой поиска «первоначального» и схемой «фундаментальной истории» (в значении, в котором мы говорим о «фундаментальной онтологии»). За пределами конъюнктурных различий они создали основные ресурсы для того преодоления «натуралистических» идей, которое на долгое время стало одним из излюбленных знаков философского превосходства «континентального» разума⁴⁸.

Перевод с французского Марины Бендет

обещание человечества, возникшее в осознании смерти и в борьбе с другим» (Merleau-Ponty M. L'existentialisme chez Hegel... P. 119).

⁴⁵ О преклонении Кожева перед Сталиным см.: Auffret D. Op. cit.

⁴⁶ Merleau-Ponty M. Marxisme et philosophie // Revue internationale. 1947; то же в: Sens et non-sens... P. 224.

⁴⁷ Canguilhem C. Op. cit. P. 290.

⁴⁸ Социальная история произведений культуры, будучи единственным способом действительно порвать с интеллектуализмом интерналистской истории, должна была помочь понять интеллектуальную геополитику — один из безусловно забытых аспектов философских стратегий.